

ДОКТРИНА ДИНАМИЧЕСКОГО ЛЕГАТА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ СУДЕБНОГО ФОРМАЛИЗМА

Яворский Сергей Анатольевич

Московская областная коллегия адвокатов,
Филиал №1, г. Москва
491899@mail.ru

THE DOCTRINE OF DYNAMIC LEGACY AS A TOOL FOR OVERCOMING JUDICIAL FORMALISM

S. Yavorsky

Summary. The article analyzes legal relations arising from a testamentary legacy, identifying a systemic imbalance between the obligatory nature of the legacy and the need for proprietary protection of the legatee's interests. Its aim is a critical analysis of prevailing doctrinal approaches and the substantiation of a new scientific model. Methodological novelty lies in the synthesis of critical analysis of judicial practice and doctrine, which enabled the systematization of typical law enforcement errors. The primary result is the formulation of the «doctrine of dynamic legacy», which rethinks the principles of contextual interpretation of wills and modernizes mechanisms for compulsory enforcement. The theoretical significance of the work consists in overcoming the formal-dogmatic understanding of legacy and advancing the civil law theory of hereditary succession. The conclusions are applicable for further research in the field of inheritance law.

Keywords: testamentary disposition, legacy, obligatory nature of a legacy, hereditary succession, legatee, beneficiary, singular succession, performance of obligations, doctrine of dynamic legacy, judicial formalism.

Аннотация. В статье анализируются правоотношения из завещательного отказа, выявляется дисбаланс между обязательственной природой legata и потребностью в вещно-правовой защите интересов отказополучателя. Цель — критический анализ доминирующих доктринальных подходов и обоснование новой научной модели. Методологическая новизна заключается в синтезе критического анализа судебной практики и доктрины, что позволило систематизировать типичные ошибки правоприменения. Основной результат — формулировка «доктрины динамического legata», переосмысливающей принципы контекстного толкования завещаний и модернизирующей механизмы принудительного исполнения. Теоретическая значимость работы заключается в преодолении формально-догматического понимания legata и развитии цивилистической теории наследственного правопреемства. Выводы применимы для дальнейших исследований в наследственном праве.

Ключевые слова: завещательный отказ, legata, обязательственная природа legata, наследственное правопреемство, легатарий, отказополучатель, сингулярное правопреемство, исполнение обязательств, доктрина динамического legata, судебный формализм.

Введение

Наследственно-правовой институт обладает дуалистической природой, объединяя личностные и семейно-правовые элементы, что детерминирует сложный характер завещательных распоряжений, балансирующих между частными и публичными интересами. Завещательный отказ, обеспечивая реализацию воли наследодателя и защиту интересов отказополучателя, занимает ключевое место в регулировании наследственных отношений.

Дуалистическая природа наследственного права, совмещающая частный интерес завещателя с публичным интересом правопорядка, объективно формирует напряженность между гибкостью посмертных распоряжений и стабильностью их судебной защиты. Завещательный отказ (legata), будучи инструментом реализации индивидуальной воли, особенно остро проявляет эту коллизию. Его правовая сущность, балансирующая на грани обязательственного и вещно-правового начала, требует от правоприменителя глубокого контексту-

ального анализа. Однако судебная практика зачастую избегает такого анализа, предпочитая ему формально-догматический подход, что приводит к системному искажению воли наследодателя и нарушению прав легатариев. Именно этот феномен — редукцию сложного правоотношения к упрощенной схеме — мы и определяем как критикуемый судебный формализм.

Критикуемый нами судебный формализм находит свое методологическое отражение в сфере наследственного договора, где «идеальная законодательная конструкция сталкивается с консервативным судебным формализмом» [1, с. 343], порождая системные коллизии в правоприменительной практике.

Судебная практика при этом демонстрирует формальный подход к толкованию завещаний, что приводит к злоупотреблениям наследников и нарушению прав третьих лиц. Правовая неопределенность legata, происходящая из дуализма его природы и зависимости выгодоприобретателя, провоцирует системные противоречия в судебных актах.

Доктринальные позиции о природе завещательного отказа

В доктрине преобладает мнение, что «завещательный отказ всегда носит имущественный характер» [2, с. 80]. По мнению кандидата наук В.Г. Нестолия, права легатария возникают, если «наследник исполнил обязанность по предоставлению жилого помещения отказополучателю» [3]. Это создает впечатление, будто легат осложняет установление вещных прав из-за зависимости отказополучателя от действий наследника, однако это верно лишь частично.

Доктор наук Р.С. Бевзенко отмечает, что «завещательный отказ является основанием для возникновения обязательства» [4] наследника перед легатарием, что фактически поддерживает формальный судебный подход, сводящий легат к обязательственному требованию. Аналогичная позиция выражена кандидатом наук Н.В. Корниловой, полагающей, что «отказополучатель становится преемником в отдельном праве наследодателя» [5, с. 299], что подтверждает его зависимость от наследника.

Доктор наук Е.Г. Семёнова указывает, что законодатель признает только «обязательственный характер отношений между отказополучателем и наследником» [6, с. 324]. Таким образом, в доктрине закрепился консенсус об обязательственной природе легата. Этот подход, находя отражение в позитивном праве, на практике демонстрирует уязвимость отказополучателя, поскольку бремя действий возложено на кредитора (легатария), а не на должника (наследника).

Практическая реализация этого подхода подтверждается положениями нотариальной практики, где имплементация обязательственной конструкции переносит акцент с гарантий защиты на обязанность доказывания, что усиливает зависимость легатария. Закон, по мнению доктора наук Ю.Ф. Беспалова, допускает его отстранение от наследства «по постановлению нотариуса при наличии доказательств» [7], возлагая при этом бремя доказывания злоупотреблений на отказополучателя.

Доктор наук Е.А. Ходырева, оспаривая тезис о «полной зависимости» легатария, отмечает, что «наследственное правоотношение призвано определить претендента на роль преемника наследодателя» [8], акцентируя смешение вещных и обязательственных прав. Отказополучатель получает не вещное право, а право требования к наследнику.

Позиция Е.Г. Семёновой о том, что для возникновения вещного права достаточно «завещания... и смерти завещателя» [6, с. 325], не учитывает, что правоспособность завещателя прекращается в момент смерти. Обязатель-

ство возникает из завещания как односторонней сделки, юридическая сила которой сохраняется после смерти в силу п. 5 ст. 1118 ГК РФ. Следовательно, основанием требования легатария является не личность наследодателя, а его воля, выраженная в завещании.

Доктор наук А.В. Бегичев подчеркивает, что «отказополучатель приобретает право на имущество не непосредственно от наследодателя» [9], а через наследника, что подтверждает обязательственный характер легата. Легатарий не становится наследником и не получает вещного права, поскольку легат порождает обязательство, а не долю в наследстве.

В классической доктрине утвердился консенсус, согласно которому право легатария сводится к обязательственному притязанию к наследнику. Данная конструкция, закреплённая в позитивном праве, порождает системную асимметрию: легатарий как кредитор оказывается процессуально уязвим, вынужденный не только доказывать факт неисполнения, но и преодолевать буквалистское толкование завещания. Такая модель косвенно легитимирует пассивное поведение наследника, чьё бездействие способно парализовать легат. Критика направлена не на отрицание обязательственной природы легата, а на преодоление его догматической интерпретации, игнорирующей обеспечительную и охранительную функцию института в системе наследственного правопреемства.

Легат системно связан с положениями ГК РФ об обязательствах: ст. 307 ГК РФ коррелирует с его природой как сделки, порождающей обязанность наследника. Однако содержание легата формируется односторонней волей завещателя, что требует особого подхода к толкованию. Принцип надлежащего исполнения по ст. 309 ГК РФ должен учитывать социально-обеспечительную функцию легата. Таким образом, в рамках обязательственной модели необходим специальный режим исполнения, преодолевающий ограничения буквального толкования ст. 1137 ГК РФ.

Судебный формализм в делах о завещательном отказе

Современная судебная практика по делам о завещательном отказе демонстрирует устойчивый формализм, приводящий к нарушению баланса интересов и ущемлению прав отказополучателей. В связи с этим показательны три судебных акта.

В деле № 88–9075/2022 Четвёртый кассационный суд общей юрисдикции рассматривал иск внука наследодателя С.В. к наследнице М.Г. об исполнении завещательного отказа. Завещание обязывало наследницу при продаже унаследованного имущества выплатить внуку

сумму, равную стоимости однокомнатной квартиры, и оплатить обучение. Суды трёх инстанций, истолковав формулу «в случае продажи» буквально, отказали в иске из-за отсутствия факта отчуждения. Такой подход проигнорировал цель завещателя — материально обеспечить внука, создав правовой вакуум. Суды не исследовали волю завещателя как элемент правового содержания сделки, ограничившись буквальным толкованием текста завещания, что позволило наследнице в конечном итоге уклоняться от исполнения воли наследодателя.

Наше утверждение о том, что судебный формализм создает правовой вакуум для злоупотреблений, находит подтверждение в исследовании коллизий перераспределения, где отмечается, что «суд не рассмотрел вопрос о перераспределении обязанностей по исполнению легата, создавая правовую неопределенность» [10, с. 130].

Такое решение суда противоречит принципу добросовестности и статьям 307, 314 ГК РФ, регулирующим исполнение обязательств в разумный срок. Формализм лишает легатария возможности получить положенное имущество, поскольку бездействие наследника парализует исполнение отказа. Как отмечает Р.С. Бевзенко, «завещание не порождает право залога само по себе» [4], а лишь обязывает наследника его установить, что усиливает его доминирующее положение.

В рамках доктрины динамического легата уклонение наследника от исполнения должно квалифицироваться как злоупотребление правом и влечь принудительное исполнение обязательства или взыскание его денежно-эквивалента.

Второе дело (№ 8а-981/2024) выявило пробел в защите прав отказополучателей. Исполнитель завещания Гуляйкин С.А. обратился в Росреестр по Алтайскому краю с требованием внести в ЕГРН сведения об обременении имущества наследницы Лярской О.Ю. в виде завещательного отказа. Поводом стало отчуждение наследственной недвижимости, что угрожало неисполнением отказов в пользу третьих лиц. Восьмой кассационный суд подтвердил отказ Росреестра, сославшись на отсутствие нормы, позволяющей вносить записи по заявлению душеприказчика. Суд ограничился формальным толкованием Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», проигнорировав назначение исполнителя завещания, предусмотренное статьёй 1135 ГК РФ.

Как отмечает доктор наук Е.М. Тужилова-Орданская, в подобном случае «продать собственник жилое помещение может» [11, с. 143], но отсутствие регистрации обременения создаёт стимул уклоняться от исполнения. Закон не требует регистрации легата, что делает защиту отказополучателей формальной и зависимой от добросовестности наследников.

Третий пример — решение Центрального районного суда г. Барнаула по делу № 2–2285/2024, в котором исполнитель завещания ФИО4 оспаривал действия наследницы Лярской О.Ю., демонстрирует ограниченность судебного подхода, лишь частично признавшего контролирующую функцию душеприказчика. Формально руководствуясь нормами статей 1137–1139 ГК РФ, суд обязал наследницу предоставлять исполнителю ФИО4 платежные документы, подтверждающие исполнение завещательных отказов в пользу таких отказополучателей, как ФИО6, ФИО20 (Долговой) Е.Н. и ФИО3, а также финансирование строительства храмов. Однако, с позиции доктрины динамического легата, данное решение осталось в рамках традиционной обязательственной парадигмы, не создав действенных механизмов, гарантирующих реализацию воли наследодателя в будущем. Суд не учел системный риск уклонения наследницы от исполнения обязательств, ограничившись последующим контролем, и не воспользовался возможностью для квалификации ее пассивного поведения как злоупотребления правом.

Критикуемый нами догматический подход, сводящий легат к чистому обязательству, игнорирует тот факт, что в доктрине наследственного права существует обоснованная позиция, согласно которой «обременение по ст. 1137 ГК РФ связано с наследственной массой, а не с личностью наследника» [10, с. 130].

Подход, при котором защита прав легатариев осуществляется только «посредством обязательственных исков» [12], подтверждает ограниченность судебной модели. Уязвимость отказополучателя усугубляется возложением на него бремени осведомлённости, что видно и в предыдущих делах.

Дополнительную проблему создаёт процессуальное бездействие наследников, нередко остающееся вне правовой оценки. В литературе отмечено, что «непринятие как состояние юридически значимого бездействия не требует подтверждения» [8]. Подобные ситуации требуют квалификации бездействия как злоупотребления правом. Срок исполнения отказа не должен считаться пресекательным при уклонении наследника; исчисление следует начинать с момента фактического отказа, что устранило бы формализм при применении исковой давности.

Анализ судебных актов выявляет дисбаланс, вызванный доминированием обязательственной конструкции легата в ущерб его охранительной функции. Отмечается также пробел законодательства, поскольку «не учитывается законодателем и финансовое состояние отказополучателя и наследника» [11, с. 144], что делает институт легата чрезмерно жёстким.

Доктрина динамического легата представляет собой системную концепцию, объединяющую материально-

правовые и процессуальные механизмы. Её ключевые компоненты включают: контекстно-герменевтическое толкование завещания, обеспечительно-регистрационный механизм внесения записи об обременении в ЕГРН, санкционно-восстановительную квалификацию уклонения наследника как злоупотребления правом по ст. 10 ГК РФ и процессуально-временной пересмотр начала течения сроков исковой давности. Это обеспечит реальную защиту прав легатариев и восстановит социальную функцию завещательного отказа.

Теоретическая и практическая значимость предложений

Совокупность выводов исследования формирует авторскую «Доктрину динамического легата». Её элементы — контекстное толкование завещаний, фиксация обременений в реестре для предотвращения злоупотреблений наследников, применение превентивных (обременения, штрафы) и восстановительных мер (установление истинных намерений завещателя, продление сроков), а также баланс между процедурой исполнения и материальной компенсацией обязательств.

Результатом исследования является вывод о судебном формализме, лишаящем легат обеспечительной

функции. Научная новизна состоит в систематизации судебных ошибок и разработке доктрины динамического легата, основанной на контекстном толковании воли завещателя. Впервые предложено закрепить в практике Верховного Суда РФ подход, признающий уклонение от исполнения легата злоупотреблением правом.

Теоретически доктрина динамического легата развивает учение о наследственном правопреемстве, обосновывая выделение в нём подсистемы охранительных отношений. Практическая значимость реализуется в конкретных предложениях: изменение Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» для регистрации обременений от легата, формулировка рекомендаций Верховного Суда РФ о применении ст. 10 ГК РФ и контекстном толковании завещаний и разработка модельных исковых формул для защиты прав легатариев.

Также обоснована необходимость обязательной регистрации завещательного отказа в ЕГРН по инициативе отказополучателя. Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием судебной герменевтики и сравнительно-правовым анализом зарубежных моделей защиты легатариев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яворский С.А. Особенности содержания обязательств, возникающих из наследственного договора / С.А. Яворский // Власть Закона. — 2025. — № 3(63). — С. 341–356. — EDN HSMWAN.
2. Ананьева Е.О. Завещательный отказ и завещательное возложение: проблемы правоприменения / Е.О. Ананьева, И.В. Бондаренко // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2021. — № 10–7(78). — С. 79–81. — EDN GRTNHL.
3. Нестолий В.Г. Вещный легат на недвижимость / В.Г. Нестолий // Нотариус. — 2020. — № 6. — С. 33–37. — DOI 10.18572/1813-1204-2020-6-33-37. — EDN OBSSRL.
4. Бевзенко Р.С. Залог из завещания // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20, № 4. С. 220–241. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-4-220-241. EDN TKDGKI.
5. Корнилова Н.В. О субъектах правоотношения, вытекающего из завещательного отказа // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Владивосток, 30–31 марта 2023 года. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2023. С. 298–302. EDN HLWJGC.
6. Семенова Е.Г. Способы возникновения вещных прав на основании завещания // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 2. С. 322–328. EDN ZISGYP.
7. Беспалов Ю.Ф. Обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения споров о наследовании // Наследственное право. 2021. № 2. С. 46–48. DOI: 10.18572/2072-4179-2021-2-46-48. EDN OUPRHN.
8. Ходырева Е.А. Право наследования в гражданском праве России. Москва: Статут, 2022. 385 с. ISBN 978-5-8354-1803-9. EDN OQYVWS.
9. Бегичев А.В., Слуту П.Д. К вопросу о критике сингулярного правопреемства в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2021. № 2. С. 7–11. DOI: 10.18572/2072-4179-2021-2-7-11. EDN CIJWZ.
10. Яворский С.А. Судьба завещательных отказов при изменении состава наследственной массы / С.А. Яворский // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2025. — № 3(81). — С. 127–132. — EDN LDLYDK.
11. Тужилова-Орданская Е.М., Магасумова Л.И. Завещательный отказ на жилые помещения, сущность и причины, права собственника жилого помещения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12–3(63). С. 142–144. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-12-3-142–144. EDN QSIXIY.
12. Аблятипова Н.А., Коробкова Е.В. Проблемы теории и практики института особых завещательных распоряжений наследодателя // Наследственное право. 2021. № 3. С. 35–38. DOI: 10.18572/2072-4179-2021-3-35-38. EDN RTEOBW.

© Яворский Сергей Анатольевич (491899@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»